

Суровцева Е.В. (Россия)

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ И ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРИ ХРУЩЁВЕ И БРЕЖНЕВЕ

Социокультурная ситуация и, в частности, огосударствление русской литературы первой половины XX века уже становились предметом изучения литературоведов-русистов – этому аспекту посвящены монографии [Голубков 1992; см. также Бабиченко 1994], отдельные главы исследований, посвящённых смежным проблемам [В тисках идеологии 1992: 3-61; Голубков 2001: 54-69; Суровцева 2008: 31-43], разделы учебников по истории русской литературы XX века [История русской литературы XX века 2006: 11-67]. К сожалению, социокультурная ситуация постсталинского периода описана гораздо хуже. Мы можем назвать только два исследования, посвящённых взаимодействию партии и культуры (не только литературы) в интересующий нас период [Кречмар 1997; Эггелинг 1999]. Следует назвать сборники документов, посвящённых этому взаимодействию [Литературное движение советской эпохи 1986; Идеологические комиссии ЦК КПСС 2000; Аппарат ЦК и культура 2001 и др.]. (К слову отметим, что изучение первой половины XX века также более «богато» на подобные издания [см., напр.: В тисках идеологии 1992; «Литературный фронт» 1994; «Счастье литературы» 1997; История политической цензуры 1997; Власть и художественная интеллигенция 2002; Большая цензура 2005 и др.].) В настоящей статье мы ставим перед собой цель рассмотреть социокультурную ситуацию и проблемы взаимодействия власти и литературы при Хрущёве и Брежневе, систематизировать имеющиеся сведения по данному вопросу, а также назвать известные нам сборники документов и исследования по более частным аспектам темы, что, хочется надеяться, может стать частью более глобального исследования или лекционного курса по истории русской литературы XX века.

13 января 1953 г. «Правда» поместила передовую статью под сенсационным заголовком «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей». В статье сообщалось, что арестованы десять «врачей-вредителей» (Вовси, Виноградов, Фельдман, Этингер, Гринштейн и др.). «Правда» утверждала, что врачи «залечили» Жданова и Щербакова. Однако 5 марта 1953 г. Сталин умер. Его соратники с самого начала были настроены против «дела врачей». Они хорошо помнили, что на процессе Бухарина 1938 года тоже судили «убийц в белых халатах». Теперь они опасались, что «вдохновителями врачей-вредителей» окажутся они сами. Поэтому сразу после смерти Сталина решено было дело прекратить.

После смерти Сталина началась эпоха, определяемая названием повести Эренбурга «Оттепель» (1954) и стихотворением Заболоцкого «Оттепель» (написано в 1948 г., опубликовано в 1953 г.) [см.: Оттепель 1989а; Оттепель 1989б; Оттепель 1990; От оттепели до застоя 1990; Зубкова 1991, 1996; Опенкин 1991; Одесский, Фельдман 2004]¹. Это было первое произведение, в котором прямо говорилось о недавнем прошлом, о провокационном «деле врачей», о надежде на перемены. Повесть Эренбурга, воспринятая ещё до XX съезда партии как «антикультурная», была встречена официальными кругами как вызов².

Первым шагом «оттепели» было прекращение «дела врачей». Кроме того, началось освобождение политзаключённых – родственников высших руководителей страны. Например, были освобождены жена Молотова, Полина Жемчужина, бывший жених дочери Сталина Алексей Каплер, по просьбе маршала Жукова отпустили ряд арестованных генералов и адмиралов.

Но в то же время 10 – 11 июня 1954 г. Твардовскому пришлось после резкой критики «Тёркина на том свете» писать оправдательное письмо в Президиум ЦК КПСС и в ЦК КПСС – по поводу своего «кулацкого» происхождения.

Л.П.Берия стремился пойти впереди «оттепели». Так, он лично освобождал многих политзаключённых. Однако в Берии руководители страны продолжали видеть прежде всего чекиста. В июне 1953 г. Берия был арестован по обвинению в заговоре с целью захвата власти, в декабре того же года расстрелян. Влияние Госбезопасности в руководстве страны после ареста Берии было почти сведено на нет. Расстрелы отдельных видных чекистов продолжались до 1955 г. Реабилитация заключённых продолжалась и после ареста Берии. Освобождали прежде всего родных и близких тех, кто теперь стоял у власти. К осени 1956 г. на свободу вышли почти все политзаключённые – сотни тысяч человек. Среди них были не только коммунисты, но и уцелевшие меньшевики, эсеры и т.п. Многих реабилитировали посмертно. В заключении остались те, кто воевал в 40-е годы против Советской власти («власовцы», партизаны Прибалтики и Украины – «лесные братья» и «бандеровцы»). Кроме того, реабилитация не коснулась «раскулаченных», осуждённых по «шахтинскому делу» и т. п. Не сняли вину с Г.Зиновьева, Л.Каменева, Н.Бухарина и др.

Ещё Г.М.Маленков, чьи позиции сильно ослабли после падения его союзника Берии, говорил о необходимости прекращения «политики культа личности» уже на первом после похорон Сталина Президиуме ЦК 10 марта 1953 г. Первоначально вопрос преодоления культа свёлся к перестройке пропаганды, и ЦК хотел этим ограничиться. Но в июле на пленуме ЦК Маленков заявил, что дело не только в пропаганде, а и в самих принципах руководства. Однако всё, о чём говорилось на этом пленуме, оставалось для народа тайной за семью печатями. Хрущёв (во многом под влиянием борьбы за власть) шагнул гораздо дальше Маленкова в либерализации общества, в развенчании Сталина.

Чтобы исключить в будущем массовые «чистки», недостаточно было просто освободить тех, кто был арестован прежде. Требовалось и политически осудить подобные меры. Такое осуждение готовилось постепенно. В печати появилось выражение «культ личности». Газеты писали, как Ленин и Сталин всегда выступали против «культа личности». Имя Сталина в печати встречалось всё реже.

14 февраля 1956 г. открылся XX съезд КПСС, первый после смерти Сталина. Это был наиболее благоприятный момент для его прямого осуждения. Высшие руководители партии понимали, что это бросит тень на них самих. Однако бывшие соратники Сталина опасались, как выразился А.Микоян, «раскачивания стихии». Если осуждение прежних «чисток» пройдёт без их участия, оно обратится против них.

25 февраля 1956 г. в последний день работы XX съезда КПСС совершенно неожиданно для подавляющего большинства присутствующих Хрущёв вышел на трибуну с докладом «О культе личности и его последствиях». Вспоминая о необходимости своего выбора в 1956 г., Хрущёв признавал, что «эти вопросы созрели, и их нужно было поднять. Если бы я их не поднял, их подняли бы другие. И это было бы гибелью для руководства, которое не прислушалось к велению времени» [цит. по: История России 1995: т. 2, 346]. Хотя заседание было закрытым и делегатов предупредили о секретности происходящего, тайны, долгие годы окружавшей имя Сталина, больше не существовало. Впервые было сказано об отступлении от «принципов социалистической демократии», о грубейших нарушениях законности, массовых репрессиях, крупнейших просчётах и порочных методах руководства, допущенных по вине Сталина. Объяснение причин этих явлений было дано в русле старой традиции, списывающей недостатки на наличие капиталистического окружения и трудности построения социализма в одной стране. Вместе с тем, огромное значение было придано личности Сталина. По существу, возникновение негативных явлений в практике социалистического строительства СССР было отнесено к воздействию недостатков характера Сталина. Сама же деятельность Сталина оказалась разделённой на два периода – «положительный» (период борьбы с

оппозицией, время индустриализации, коллективизации, Великая Отечественная война) и «отрицательный», когда у Сталина, упрощённо говоря, стал «портиться характер». Так в истории появился новый термин «период культа личности». Этот период (с весьма нечёткими хронологическими рамками) воспринимался в качестве «зигзага», «случайности» в победоносной истории страны Советов.

Доклад Хрущёва содержал не только общие рассуждения, но и рассказ о судьбе нескольких арестованных. Это были члены ЦК и Политбюро: П.Постышев, Н.Вознесенский, А.Кузнецов и другие. Хрущёв рассказывал о пытках, которые к ним применялись, об их письмах перед казнью. Известно, – например, из свидетельства Эренбурга, – что на делегатов XX съезда доклад Хрущёва произвёл такое шокирующее впечатление, что некоторые даже падали в обморок. Доклад считался секретным, но слухи о нём немедленно разошлись по стране. Особое волнение это вызвало в Грузии, на родине Сталина, где демонстрации разгонялись войсками. С середины марта по всей стране стали проходить тысячи открытых партсобраний, на которых зачитывали доклад. Правда, делать записи на этих собраниях запрещалось – этот доклад оставался как бы секретным. 2 июля 1956 г. «Правда» поместила большой постановление ЦК партии «О преодолении культа личности и его последствий». Документ выглядел мягче, чем доклад.

Полный текст доклада впервые напечатали за границей, в США, в июне 1956 г. В Союзе его опубликовали только в 1989 г. [Хрущёв 1989; см. также: Реабилитация 1996: 19-67; Сталин 2002: 548; Доклад Н.С.Хрущёва 2002; о XX съезде см.: Аксютин, Волобуев 1991; XX съезд КПСС 1991; Гусев 1993].

В мае 1956 г. покончил с собой Фадеев, оставив предсмертное письмо ЦК.

1957 г. – победа Хрущёва в борьбе с «антипартийной группой» (Маленков, Каганович, Молотов), отставка Жукова, во многом благодаря которому Хрущёв смог победить.

17 октября 1961 г. в Москве открылся XXII съезд партии. Этот съезд стал своеобразной «присягой» новому политическому курсу. Тон задал Хрущёв, сказавший, что Сталин и члены «антипартийной группы» отвечают за массовые репрессии. После этого почти все выступавшие развивали эту тему.

После съезда все члены «антипартийной группы» были исключены из партии. На съезде было принято решение вынести тело Сталина из мавзолея и похоронить его у Кремлёвской стены, что и было сделано в ночь на 31 октября, накануне закрытия съезда. Имя Сталина вычеркнули из названий городов, сёл, улиц. Только в некоторых грузинских городах сохранялись «улицы Джугашвили». По всей стране были уничтожены тысячи памятников Сталину.

Литературная ситуация при Хрущёве была настолько разнообразной и пёстрой, что её трудно представить в виде цепочки последовательных событий. Более того, главным качеством литературной политики становились непоследовательность, непредсказуемость. Это во многом было обусловлено противоречивой фигурой Хрущёва. Как и его предшественники, партийные руководители, Хрущёв пристальное внимание уделял литературе и искусству. Человек авторитарный, скорый на слова и решения, Никита Сергеевич то помогал писателям ощутить воздух свободы, то сурово одёргивал и всякий раз в качестве третейского судьи выставлял «великий советский народ». Хрущёв был убеждён, что партия и государство имеют право вмешиваться в вопросы культуры, и потому очень часто и подолгу выступал перед творческой интеллигенцией, перед писателями.

По инициативе Хрущёва прошла череда читательских обсуждений романа В.Дудинцева «Не хлебом единым». По решению Президиума ЦК КПСС была создана специальная комиссия, которая подготовила проект письма ЦК КПСС партийным организациям «Об усилении работы партийных организаций по пресечению вылазок антисоветских, враждебных элементов». В качестве примеров ослабления бдительности были названы выступления К.Паустовского в ЦДЛ на обсуждении романа В.Дудинцева

«Не хлебом единым», О.Берггольц с критикой догматического постановления ЦК КПСС по журналам «Звезда» и «Ленинград», К.Симонова с «ревизией» основополагающих принципов партийного руководства литературой и искусством. Но вместе с тем на волне «оттепели» многие читатели могли безнаказанно высказывать свою точку зрения на роман Дудинцева, находя в нём много положительных сторон.

В современной науке для обозначения генерации советских людей 1960-х годов употребляется слово «шестидесятники». В литературе это обозначение и более конкретно, и более размыто: шестидесятники – участники литературной борьбы, в особенности на страницах «толстых журналов», и выразители новых идей, нового ощущения жизни, возникшего в период постсталинской «оттепели». Сам термин «шестидесятники» содержит в себе отсылку к «шестидесятничеству» XIX века. В действительности шестидесятники – люди разных поколений и разных мировоззрений: это и Е.Евтушенко, и А.Вознесенский, и Б.Окуджава, и М.Мамардашвили, и А.Битов, и И.Эренбург, и А.Солженицын, и Вен.Ерофеев. С понятием «шестидесятники» связывают в особенности деятельность «Нового мира», возглавляемого А.Твардовским: журнал в определённом смысле придерживался линии, намеченной Хрущёвым в докладах на XX и XXI съездах КПСС, однако он был несовместим не только, говоря официальным языком, с «ленинскими нормами партийной жизни», но и отчасти с литературно-эстетическими и общественно-политическими убеждениями шестидесятников. Шестидесятники исчерпали себя на рубеже 1990-х годов, вместе с крахом коммунизма [о шестидесятничестве см.: Адамович 1991; Вайль, Генис 1996; Махлин 2003; Буртин 2003].

Твардовский дважды приступал к редактированию журнала «Новый мир» и дважды отстранялся от этой деятельности. Редактором «Нового мира» Твардовский являлся в 1950 – 1954 и 1958 – 1970 гг. Около 17 лет редакторской работы пришлось на разные периоды «оттепели» – на её раннее предвестье, на её бурное начало и продолжение, на её полное затухание, драматический финал. Как редактор Твардовский оба раза сменял К.М.Симонова [см.: Биуль-Зедгинидзе 1996; Бианки 1999].

При первом назначении Твардовский признавался, что имел смутное представление о профессии редактора. Тем не менее, уже в 1952 г. журнал опубликовал произведения, ставшие признаками едва обозначившейся новой эпохи. Это новаторские статьи М.Щеглова, «Русский лес» Л.Леонова (1954, № 5), сочинения В.Померанцева «Об искренности в литературе» (1953, № 12), М.Лифшица «Дневник Мариэтты Шагинян» (1954, № 2), Ф.Абрамова «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе» (1954, № 4), а также ставшие широко известными произведения И.Эренбурга («Оттепель»), В.Пановой («Времена года»), Ф.Панфёрова («Волга-матушка река») и другие. В них авторы отошли от традиционной для «литературы подвигов» лакировки реальной жизни людей в социалистическом обществе. Впервые за многие годы был поставлен вопрос о губительности для интеллигенции той атмосферы, которая сложилась в стране.

Публикация этих работ была признана партийным руководством ошибочной, а линия «Нового мира» «вредной». В июле 1954 года Секретариат ЦК КПСС принял закрытое постановление об ошибках журнала и его главного редактора, а президиум правления СП освободил Твардовского от руководства журналом. Характерно, что в вину ему была поставлена публикация материалов, противоречащих решениям партии 1946 – 1948 гг. Чтобы не допустить впредь подобных «отклонений» от линии партии, по указанию ЦК, СП принял меры по «коренному улучшению работы печатных органов».

В постсталинский период зарождается одно из ведущих направлений русской советской литературы – «деревенская проза». Она берёт начало в публицистических очерках о селе В.Овечкина «Районные будни» (первая часть появилась в 1952 г.), Е.Дороша «Деревенский дневник» (1954 – 1962), а также в программной статье Ф.Абрамова «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе» (1954) и первом романе его будущей тетралогии – «Братья и сёстры» (написан в 1951 г., опубликован в 1958 г.), в ранних рассказах В.Астафьева и первых произведениях «лирической прозы» –

«Владимирские просёлки» (1957) В.Солоухина. Формирование художественных и нравственных основ «деревенской прозы» связано с ранними произведениями А.Солженицына «Матрёнин двор» (1959), «Один день Ивана Денисовича» (1962), «Захар-Калита» (1965). К писателям-«деревенщикам» относятся В.Белов, В.Астафьев, В.Шукшин, Б.Можаев, Е.Носов, В.Распутин (о феномене «деревенской прозы» см., напр., [Вильчек 1987; Кузнецов 1998; Большакова 2000, 2003]).

Атмосфера «оттепели» была поддержана и создателями альманаха «Литературная Москва», в первом выпуске которого участвовали К.Федин, С.Маршак, Н.Заболоцкий, А.Ахматова, А.Твардовский, В.Тендряков, Л.Гроссман, Б.Пастернак. Редакторы альманаха – М.Казакевич, М.Алигер, В.Каверин – попытались повторить идею Серапионовых братьев – собрать литераторов, не связанных никакими идеологическими установками. Альманах продавался в кулуарах XX съезда партии. Во втором выпуске были помещены стихи М.Цветаевой, отклик на них И.Эренбурга, «Заметки писателя» Н.Крона. Крон писал, что литературой может управлять только здравый смысл, что литература не может являть собой перечень образцовых произведений, что непрерываемость – не категория литературы. Статья Крона и рассказ А.Яшина «Рычаги» вызвали враждебную реакцию властей. По существу состоялся разгром альманаха. В «Литературной газете» (редактор В.Кочетов) и других изданиях появились фельетоны по поводу духа и текстов «Литературной Москвы». В очередной раз писатели привычно каялись, кто был посмелее – промолчал. Образцом героизма стал поступок Вс.Иванова, вышедшего в знак протеста из редколлегии «Литературной газеты». Хрущёв, не вникший в суть проблемы, но сориентированный «товарищами» на то, что альманах отдаёт антисоветчиной, выступил резко и связал литературное издание с «выпадами антисоветских элементов».

Аналогичная судьба постигла и другой альманах – «Тарусские страницы. Литературно-художественный сборник», вышедший в Калуге в 1961 г., в котором была опубликована проза К.Паустовского, Ф.Вигдоровой, Б.Окуджавы, Ю.Казакова, Б.Балтера, стихи Н.Коржавина, Д.Самойлова, Н.Заболоцкого [см.: О судьбе сборника «Тарусские страницы» 1993].

После XX съезда партии значительно увеличилось число литературных журналов и издательств, выросли тиражи. Появились журналы «Москва», «Нева», «Иностранная литература», «Наш современник», «Дружба народов» и другие. Всего во второй половине 50-х годов впервые или после длительного перерыва стали выходить 28 журналов, 7 альманахов, 4 газеты литературно-художественного профиля. В это же время в ходе реабилитации жертв политических репрессий 30 – 40-х годов были возвращены читателю книги М.Кольцова, И.Бабеля, А.Весёлого, И.Катаева, Т.Табидзе, П.Маркина.

После XX съезда партии было несколько ослаблено идеологическое давление в области музыки, живописи, кинематографии. Ответственность за «перегибы» прежних лет была возложена на Сталина, Берию, Жданова, Молотова, Маленкова и др.

Однако идеологический диктат партийного руководства в этих сферах сохранялся и позже. В мае 1958 г. ЦК КПСС издал постановление «Об исправлении ошибок в оценке опер “Великая дружба”, “Богдан Хмельницкий” и “От всего сердца”», в котором были признаны бездоказательными и несправедливыми прежние оценки творчества Д.Шостаковича, С.Прокофьева, А.Хачатуряна, В.Шебалина, Г.Попова, Н.Мясницкого. В то же время Хрущёв лучше, чем кто-либо другой, выражал своим поведением одну из характерных черт тоталитарной системы – отрицание всего, что не имеет прямого отношения к задаче построения коммунизма, не вписывается в официальную идеологию или лично неприятно самому лидеру страны. Так, генсек критически отозвался о джазе (после премьеры концерта американского музыканта Б.Гудмана), совершил знаменитый разгром художников-абстракционистов на выставке в манеже, раскритиковал ряд кинокартин, в том числе явно неординарный фильм М.Хуциева «Застава Ильича». Хрущёв про себя говорил: «В искусстве я сталинист». Печально знаменитой была речь

Хрущёва на встрече руководителей партии и правительства с деятелями литературы и искусства в марте 1963 г. Как и прежде, Хрущёв высказывался за простоту и доступность художественных произведений. Свои литературные вкусы он выдавал за эталон и ругал писателей, кинематографистов и художников за элементы модернизма, абстракционизма в их произведениях. В июле 1963 г. Хрущёв на партийном Пленуме заявил, что оценку литературным произведениям должна давать партия.

Очевидно, что «оттепель» не была стопроцентной. Официальные «ограничители» продолжали действовать во всех сферах искусства. Это привело к возникновению к концу 50-х годов «самиздата»: выпуску машинописных журналов, в которых публиковались произведения молодых поэтов, писателей, историков, философов. Первым из таких журналов стал «Синтаксис» А.Гинзбурга, в котором публиковались не прошедшие официальной цензуры произведения Б.Ахмадуллиной, Е.Гинзбург, В.Некрасова, Б.Окуджавы, В.Шаламова и других. Издавали неофициальных поэтов – М.Цветаеву, О.Мандельштама и прочих; переводы, рассказы, лагерные воспоминания.

Термин «самиздат» возник после того, как ещё в конце 40-х годов поэт Н.Глазков стал называть свои напечатанные на машинке и не предназначенные для Госиздата сочинения «самсебяиздат».

В шутку слово «самиздат» расшифровали так: «Сам пишу, сам издаю, сам распространяю, сам отсиживаю за это» [о самиздате см.: Соколов 1992; Конрад 1994; Самиздат века 1997; Николюкин 2003; Самиздат в Ленинграде 2003; По страницам самиздата 1990].

Арест А.Гинзбурга в 1960 г. и прекращение выпуска «Синтаксиса» не означали разгрома «самиздата». Наоборот, именно на этой основе начало зарождаться диссидентское движение [см.: Алексеева 1992; Безбородов, Мейер, Пивовар 1994; Степанов 2004], связанное на данном этапе с именами В.Буковского, Ю.Галанскова, В.Осипова, Э.Кузнецова и многих других. Диссидентское движение начиналось с немногочисленных подпольных кружков, обычно молодёжных. Они стали появляться сразу же после Великой Отечественной войны, в конце 40-х. Новый толчок движению придали XX съезд и осуждение «культы личности Сталина». По форме, а часто и по основным идеям подпольные кружки обычно подражали партии большевиков. С подполья начинали многие диссиденты – например, генерал П.Г.Григоренко.

29 июня 1958 г. в Москве на открытии памятника Маяковскому читали свои стихи официальные поэты. Потом стали выходить желающие из публики и тоже читать стихи. Такой стихийный вечер многим понравился, и участники условились продолжать эти встречи. С тех пор почти каждый вечер превращался в вечер поэзии. Люди здесь свободно говорили о литературе, об искусстве, читали запрещённых поэтов (например, О.Мандельштама, М.Цветаеву). Сначала власти спокойно относились к этим вечерам, но потом забеспокоились. На некоторое время удалось прекратить чтения. С сентября 1960 г. чтения возобновились и стали происходить по выходным. Власти сделали всё, чтобы прекратить чтения. Последние чтения состоялись 9 октября 1961 года, в день открытия XXII съезда партии. Троиц (В.Осипов, Э.Кузнецов, И.Бакштейн, которые были постоянными участниками) арестовали по обвинению в антисоветской агитации и приговорили к 5 – 7 годам заключения. Эти чтения помогли диссидентам выйти «на свет», к открытой деятельности.

Роман Е.Замятина «Мы» (впервые опубликован на английском языке в Нью-Йорке в издательстве Зильбурга в 1924 г., а затем в 1927 г. фрагменты романа появились на русском языке в пражском журнале «Воля России») и роман Б.Пильняка «Красное дерево» (впервые опубликован в издательстве «Петрополис» в 1929 г.) ознаменовали рождение такого явления, как «текст-эмигрант» (Д.Сигал), ставшего одной из форм борьбы за свободу русской литературы. Вторично в качестве «текста-эмигранта» роман «Мы» выступил в 1952 году, когда появилась его полная публикация на русском языке в Нью-Йорке в издательстве им. Чехова. Появление «Мы» предварило зарубежную

публикацию «Доктора Живаго» Б.Пастернака и последовавшую за ним волну «тамиздата» [о «тамиздате» см.: Тамиздат Цадаса 1989; «Тамиздат» 1990]. Многие из таких книг тайно ввозились в страну.

Из-за того, что «Доктор Живаго» (1957) был впервые опубликован в Милане, началась организованная травля Пастернака. Именно в это время родилась одна из формул литературного быта: «Роман я не читал, но считаю...». Чтобы остаться в Союзе, Пастернак отказался от присуждённой ему в 1958 году Нобелевской премии. В октябре 1958 г. Борис Леонидович направляет письма в СП и Хрущёву. Писателя из СП исключили.

В 1963 г. в Мюнхене издана поэма Ахматовой «Реквием», с пометой, что печатается она «без ведома и согласия автора». До первой публикации в России в 1987 году поэма перепечатывалась и распространялась как самиздат. В 1962 г. Ахматова передала «Реквием» в «Новый мир», однако он не был опубликован. В 1987 г. поэма была опубликована сразу в двух журналах – «Октябрь» (№ 3) и «Нева» (№ 6).

В 60-е гг. появляются первые произведения русского постмодернизма – «Москва – Петушки» Вен.Ерофеева, «Пушкинский дом» Битова, «Школа для дураков» Саши Соколова.

Многим запомнилось выступление Хрущёва на Третьем съезде советских писателей в мае 1959 г. Хрущёв в своём докладе формулировал задачи литературной критики: «Когда читаешь книги, то одна волнует, доставляет удовольствие, другая книга вызывает чувство гнева и возмущения против того или иного явления, которое отражено в этом произведении. Третью книгу читаешь, а глаза смыкаются. Хочешь прочитать, потому что говорили об этой книге товарищи, читавшие её, хочешь иметь своё мнение о ней, но читается она с трудом, глаза снова закрываются. Потрёшь их, начинаешь опять читать, опять смыкаются глаза. Чтобы всё-таки прочитать книгу, берёшь иной раз булавку, делаешь себе уколы и тем подбадриваешься, чтобы прочитать книгу до конца» [Третий съезд писателей СССР 1959: 220]. Отвечая на вопрос, кто же должен выступать в роли критика, Хрущёв утверждал, что судьёй должен быть народ и что умная критическая статья – это как «берёзовый веник для человека, который любит ходить попариться в баню: он парится и веничком себя похлопывает, а если сам себе не хочет этого делать, то сделает ему другой» [Третий съезд писателей СССР 1959: 221].

Вскоре после повторного назначения Твардовского на пост главного редактора «Нового мира» в 1958 г. это журнал превратился в постоянную мишень для литературных критиков и партийных идеологов. Несмотря на прочное положение Твардовского, его общественные посты (депутат Верховного Совета РСФСР, кандидат в члены ЦК КПСС), личное и близкое знакомство с Хрущёвым, в прессе тех лет то и дело появлялись злобные выступления, направленные против «Нового мира».

Колоссальный общественный резонанс имела публикация в журнале Твардовского рассказа А.И.Солженицына «Один день Ивана Денисовича» в 1962 году (№ 11). В.Я.Лакшин пишет: «Через два-три дня о повести неизвестного автора говорил весь город, через неделю – страна, через две недели – весь мир. Повесть заслонила собой многие политические и общественные новости: о ней толковали дома, в метро и на улицах. В библиотеках 11-й номер “Нового мира” рвали из рук. В читальных залах нашлись энтузиасты, сидевшие до закрытия и переписывавшие повесть от руки» [Лакшин 1989: 202]. После этого десятки бывших заключённых тоже стали писать о пережитом в лагерях. Правда, в печать из них попали очень немногие. Например, «Новый мир» напечатал лагерные воспоминания генерала А.Горбатова. В своих литературных заметках «Бодался телёнок с дубом» получивший мировое признание Солженицын расскажет о том, как непросто складывались его отношения с Твардовским и «Новым миром», как редактор Твардовский «ломал» молодого автора, стремясь актуализировать в его творчестве идеи XX съезда партии [Солженицын 1996]. Отношения Твардовского и Солженицына отражают распространённый тип взаимодействия писателя и критика-

редактора, взаимодействие, при котором каждый привержен своей правде. Однако известные факты свидетельствуют о гражданском мужестве Твардовского, рискнувшего подключить Хрущёва, чтобы пробиться через жёсткие цензурные препоны и прорвать плотину молчания вокруг ГУЛАГа в литературе и искусстве. Многие люди были причастны к этой публикации, и всё же Твардовский при поддержке Хрущёва взял на себя главную ответственность, совершив поистине редакторский подвиг (он даже послал рукопись рассказа Хрущёву, приложив к ней своё письмо).

Литературные критики, оценив факт появления такого произведения в открытой печати, поняли, что Солженицына могли опубликовать только с ведома и одобрения ЦК КПСС, и встретили произведение одобрительным хором. Правда, чуть позже этот одобрительный хор сменился дружной хулой. Как позднее писал один из сотрудников «Нового мира» критик Ю.Буртин, общественная ситуация резко изменялась, а «Новый мир» осознал себя демократическим изданием, стоящим на тех позициях, которые были созвучны ранней «оттепели». Журнал по-прежнему боролся с силами торможения, стремился критически осмыслить историю и современность, а главное – избегал «полуправды» [см. об этом: Буртин 1987]. В стране негласно шла реабилитация Сталина, поддержанная на знаменитых встречах руководителей партии с интеллигенцией в 1963 г. С приходом Брежнева вновь воцарилось внешнее благолепие.

В 1960 г. Твардовский направляет письма Хрущёву и секретарю ЦК КПСС Е.А.Фурцевой. С.П.Злобин обращается к Хрущёву с протестом против расправы над Пастернаком и Дудинцевым, против зажима молодой прозы и поэзии – Аксёнова, Бакланова, Вознесенского. О.Д.Форш в конце жизни обратилась за советом и поддержкой по поводу переиздания своего «Сумасшедшего корабля» к Н.Тихонову, секретарю СП. Шолохов обращался к Хрущёву.

В.С.Гроссман в 1943 г. начал роман о войне. В 1949 г. он сдал рукопись в «Новый мир». Три года длилась подготовка романа к печати. Рукопись трижды набиралась заново (сохранилось двенадцать авторских вариантов текста). Наконец, в 1952 г. роман под названием «За правое дело» увидел свет («Новый мир», 1952, № 7-10). Вскоре появилась разгромная статья М.Бубеннова «О романе В.Гроссмана “За правое дело”» («Правда», 1953, 13 февраля). В 1954 г. роман вышел отдельным изданием, но в урезанном виде. Полный текст произведения, без купюр, сделанных в «Новом мире» и «Воениздате», появился в печати только в 1956 г. Гроссман продолжил работу над эпопеей о Великой Отечественной Войне; она приняла форму диалогии. В 1960 г. автор сдал рукопись второй части диалогии под названием «Жизнь и судьба» в журнал «Знамя». Рукопись не только была отвергнута как «идейно-порочная», но и отправлена в ЦК, после чего органы Госбезопасности изъяли у автора остальные её экземпляры со всеми вариантами и заготовками. Однако Гроссман смог уберечь один экземпляр, и уже после его смерти стараниями его друзей (С.И.Липкина, В.Н.Войновича, а также А.Д.Сахарова и Е.Г.Боннэр) он был переправлен за границу и в 1980 г. напечатан в Швейцарии. На Родине роман был впервые напечатан в 1988 г. («Октябрь», № 1-4), тогда же вышло отдельное издание (издательство «Книжная палата»); к 1990 г. относится публикация наиболее достоверной редакции по рукописи, сохранённой В.И.Любодой. После ареста «Жизни и судьбы» Гроссмана фактически перестали публиковать и почти не упоминали его имя в печати (был опубликован лишь его послевоенный рассказ «Дорога»). Некоторые рассказы удалось включить в сборник «Добро Вам!» (1967) уже после смерти автора. Повесть «Всё течёт...» была сначала опубликована во Франкфурте-на-Майне (1970), а на Родине – лишь в 1989 г. («Октябрь», № 6).

Во второй половине XX века философское сознание стало воскресать после анабиоза, вспоминая, что было раньше: демократическую идею («Новый мир» 1960-х), русскую национальную идею («Наш современник» 1970 – 1980-х). Оба направления при своей трагической для литературы этого периода оппозиционности были устремлены, в итоге, к общей цели: они воссоздавали в новых постсталинских условиях забытые и

утраченные стороны русской культуры, русского сознания. Оба направления, представляемые этими журналами, стояли на реалистических позициях. С их деятельностью связано появление и эстетико-философское осмысление таких явлений русской литературы второй половины XX века, как деревенская проза, а также военная, городская, лагерная проза. Разногласия, политико-идеологические, эстетические, личные, существовавшие между интеллигенцией, приверженной тому или иному направлению, сейчас кажутся незначительными. Виднее сходство: огромная их роль в возрождении русской литературы и русского сознания, пусть и с разных его сторон, которые тогда писателями и журналистами мыслились как взаимоисключающие. Нравственным и эстетическим исканиям «Нового мира» во многом оказалась созвучна позиция молодёжного литературно-художественного журнала «Юность» (с 1955 г. его главным редактором был В.П.Катаев, а с 1962 по 1981 гг. – Б.Полевой). Несмотря на то, что Твардовский всегда стоял на партийных позициях, власти всегда усматривали в его редакторских действиях и вообще в политике «Нового мира» черты свободомыслия. Такое стечение общего духа времени и позиции журнала привело к открытой травле Твардовского и его сотрудников. Особенно громко заявил о своём неприятии новомирской политики журнал «Октябрь» под редакцией В.Кочетова. Журнальная полемика между этими двумя изданиями с разной степенью интенсивности продолжалась практически до конца 60-х гг. Кочетов, являвшийся официальным партийно-литературным идеологом, выстроил платформу своего журнала вопреки либерально-демократической ориентации «Нового мира». В редакционных статьях и рецензиях всё, исходившее из «лагеря» новомирцев, нещадно критиковалось.

На рубеже 1950 – 60-х годов литературная жизнь оживилась за счёт издания многих областных (региональных) литературно-художественных журналов: «Дон», «Подъём», «Север», «Волга» и др. С 1956 г. вновь выходит журнал «Детская литература». Реанимировалась и литературная критика как особая сфера научно-художественного творчества. После Второго съезда писателей в мае 1959 г. работа писательского союза наладилась, и съезды стали проходить регулярно. На каждом из них говорится и о состоянии литературной критики. С 1958 г. к союзным съездам добавятся ещё и съезды писателей Российской Федерации (учредительный состоялся в 1958 г.). На всех партийных съездах, начиная с двадцатого, в отчётных докладах непременно появлялись специальные абзацы, посвящённые литературе. Ведь в шестой статье Советской Конституции – статье, отменённой лишь в 1990 году, было сказано о руководящей роли Коммунистической партии Советского Союза во всех сферах общественно-политической жизни. Так что партийное руководство литературой было по существу закреплено конституционно.

4 мая 1961 г. был принят указ о борьбе с туеядцами. В их число попадали все взрослые граждане, «уклоняющиеся от общественно-полезного труда». 29 ноября 1963 г. газета «Вечерний Ленинград» напечатала фельетон «Окололитературный трутень». В нём высмеивался и разоблачался как туеядец И.А.Бродский. «Этот пигмей, самоуверенно карабкающийся на Парнас, не так уж безобиден, – замечала газета. – Надо перестать нянчиться с окололитературным трутнем. Такому, как Бродский, не место в Ленинграде». После двух судов (открытого и закрытого; заседания открытого суда застенографированы Ф.Вигдоровой и распространялись в самиздате – запись «Судилище») 18 февраля 1964 г. Бродский приговорён к ссылке сроком на 5 лет за туеядство. Во время судов между судьёй и подсудимым несколько раз повторялся один и тот же диалог: «Судья: Объясните суду, почему Вы не трудились. Бродский: Я работал. Я писал стихи. Судья: Но это не мешало Вам трудиться. Бродский: Я трудился. Я писал стихи. Раздражённая, судья поинтересовалась: “А кто признал, что Вы поэт? Кто причислил Вас к поэтам?” “Никто, – отвечал удивлённо Бродский. – А кто причислил меня к роду человеческого?” “А Вы учились этому? – спросила судья. – Не пытались закончить вуз?” “Я не думал, что это даётся образованием, – сказал Бродский и с лёгкой растерянностью добавил: – Я думаю, это... от Бога”. В последнем слове он под смех судьи и заседателей заявил: “Я не только

не тунеядец, а поэт, который прославит свою Родину»» [цит. по: Судилище 1964; о деле Бродского см.: Якимчук 1990].

В 60-е годы формируется уникальный феномен – советская многонациональная литература.

В конце 50-х возникает авторская песня – многогранное социокультурное явление, в известной мере – общественное движение 50 – 60-х годов XX века. «Своё слово о нём ещё предстоит сказать людям самых разных областей: музыковедам, культурологам, социологам, историкам» [Новиков 1997: 9; об авторской песне см.: Ничипоров 2006]. Среди поэтов, находившихся у истоков авторской песни, следует назвать М.Анчарова, Ю.Визбора, Ю.Кима, А.Якушевой; если обратиться к более ранним временам, нельзя не вспомнить А.Вертинского. Однако ключевыми фигурами считаются Б.Окуджава, А.Галич, В.Высоцкий.

Параллельно с авторской песней развивалась рок-поэзия, особенно в 70-е годы. Это разновидность авторской песни и собственно музыкально-поэтическое явление. Наряду с самиздатом и тамиздатом в 60 – 70-е годы существует магнитиздат (кстати, эти слова образованы по аналогии со словом «Госиздат»), возникший в связи с широчайшим распространением магнитофонных записей авторских песен Б.Окуджавы, А.Галича, В.Высоцкого и произведений рок-поэзии (Б.Гребенщиков и другие).

В октябре 1964 г. Хрущёв был свергнут в результате заговора испугавшейся за свои привилегии правящей верхушки и отправлен на пенсию. В том же году Брежнев был избран Председателем Президиума Совета СССР и чуть позже – 1-м секретарём (с 1966 г. – генсеком). Годы правления Леонида Ильича вошли в историю под названием «эпоха застоя» (о литературе этого времени см., напр., [От оттепели до застоя 1990]).

Дело Бродского стало определённой исторической вехой. Пастернака не решился защитить никто. А в защиту Бродского выступили уже более сотни людей, в том числе около двадцати писателей: К.Чуковский, А.Ахматова, С.Маршак, К.Паустовский и др. В «деле Синявского и Даниэля» два года спустя число протестующих дошло до нескольких сотен человек. Н.Мандельштам замечала по этому поводу: «Сейчас репрессии против одного интеллигента порождают десятки новых. Мы это наблюдали во время дела Бродского» [Мандельштам 1999: 108]. В результате активного общественного протеста ссылка Бродского (которую он проводил в деревне Норенской Архангельской области) с 5 лет была сокращена до 1,5. В 1965 г. поэт вернулся в Ленинград. В 1927 г. он эмигрирует. Покидая СССР, он пишет письмо Брежневу «с просьбой позволить <...> присутствовать в литературном процессе в своём отечестве». В декабре 1965 г. группа деятелей культуры обратилась к П.Н.Демичеву с просьбой предоставить Солженицыну квартиру в Москве. Осенью 1965 г. были арестованы Синявский и Даниэль. Судебный процесс над ними, который был воспринят как один из знаков окончательного завершения периода оттепели [см. очерк Г.Белой в: Цена метафоры], состоялся 10 – 14 февраля 1966 г. Их судили за то, что они ещё в 1956 году начали публиковать свои произведения во Франции под псевдонимами Абрам Терц и Николай Аржак. «Забывшим (или не знавшим) демократическую традицию былых времён, когда писатель мог свободно выбирать себе любой псевдоним и свободно печатать свои произведения там, где хотел, – именно это вскоре было преподнесено как “измена Родине” и “двурушничество”», – пишет Г.Белая в своём очерке «Да будет ведомо всем...» [Цена метафоры 1989: 5]. После ареста писателей в Союзе был уничтожен уже отпечатанный тираж книги Даниэля «Бегство» (сокращённый вариант опубликован в № 6-8 журнала «Пионер» за 1989 г.). Даниэля приговорили к пяти годам лагерей строгого режима, Синявского – к семи. Суд над Синявским и Даниэлем стал заметным событием в общественной истории нашей страны. Впервые на открытом политическом процессе подсудимые не признали себя виновными. Им открыто выразили поддержку многие люди: К.Паустовский, К.Чуковский, видные филологи Л.Копелев и В.Иванов представили суду свои отзывы в защиту обвиняемых, но суд отказался их рассмотреть. Особое негодование властей вызвала повесть Даниэля «Говорит Москва», в

которой автор писал, что власти объявили «День открытых убийств». Арест Синявского и Даниэля и процесс по их «делу» впервые за время существования тоталитаризма поднял волну протеста против насилия над правом человека «на свободу убеждений и на свободное выражение их» («Всеобщая декларация прав человека»). В Президиумы Верховных Советов СССР и РСФСР, в Московский городской суд, в верховные суды СССР и РСФСР шли письма в защиту писателей. Было написано в защиту осуждённых письмо 62 писателей. Это «дело» получило международный резонанс.

В середине 60-х годов диссидентское движение, ранее бывшее в подполье, вышло на свет, стало открытым. После этого у многих диссидентов возникло стойкое предубеждение против подполья. Его выразил П.Г.Григоренко в названии своей книги: «В подполье можно встретить только крыс». Чтения у памятника Маяковского были шагом к открытому существованию диссидентов. Окончательным же шагом в этом направлении стал суд над Синявским и Даниэлем. Отголоски этого процесса, реагируя на очередной конфликт «царя и поэта», парадоксально отстаивали именно права индивидуальной авторской правды. Днём рождения правозащитного движения считается 5 декабря 1965 г., когда в день Сталинской конституции диссиденты решили провести демонстрацию протеста вскоре после ареста Синявского и Даниэля. Эти демонстрации (сначала 5 декабря, затем 10 декабря – в День прав человека) стали традиционными.

После суда над Синявским и Даниэлем А.Гинзбург и Ю.Галансков составили «Белую книгу», в которую вошли советские и зарубежные газетные статьи о суде, письма протеста, последнее слово подсудимых и многие другие материалы. Эта книга распространялась в самиздате. В 1967 г. их и двух «сообщников» (В.Лашкову и А.Добровольского) арестовали. В январе 1968 г. состоялся так называемый «процесс четырёх». Гинзбург получил пять лет заключения, Галансков – семь. Этот второй публичный процесс вызвал самые широкие общественные протесты. Письма протеста подписали около 1000 человек. Среди них, например, Б.И.Балтер, А.А.Ахматова, Арс.Тарковский, А.Т.Гладилин...

Самиздат после суда над Синявским и Даниэлем получил особое распространение. В конце 60-х наряду с литературным возник новый, политический самиздат. С 30 апреля 1968 г. диссиденты издают «Хронику текущих событий», своеобразную летопись общественной жизни страны, распространяемую в самиздате. Она издавалась до 1983 г., вышло 64 выпуска, несмотря на аресты редакторов. Кроме того, в самиздате распространялись правозащитные сборники, позднее журналы «Вече», «Поиски», «Варианты», «Поединок» и другие. В самиздате бытовали произведения Солженицына «В круге первом» (1955 – 1958) и «Раковый корпус» (1963 – 1966); в 1968 г. они были опубликованы за рубежом и стали фактом тамиздата.

Накануне XXIII съезда КПСС, прошедшего 29 марта – 8 апреля 1966 г., Э.Ханпира, И.Мельчук, Ю.Апресян, Л.Булатова обратились с письмом к Брежневу, в котором просили либо организовать пересмотр дела Синявского – Даниэля, освещая его в печати, либо помиловать этих людей. На этом съезде Шолохов выступил с гневным обличением арестованных. В ответ на это выступление Л.Чуковская написала «Открытое письмо Михаилу Шолохову», не предназначенное для публикации, в котором писательница упрекала Шолохова за негуманное поведение.

Положение журнала «Новый мир», который постоянно подвергался нападкам со стороны властей, стало особенно шатким после чехословацких событий 1968 г., когда усилилась политическая цензура. В каждой журнальной книжке искали особый подтекст. Номера выходили с опозданием, а некоторые публикации изымались в последний момент, и часть журнала поступала к подписчикам с белыми страницами. Во второй половине 60-х Твардовский пишет три безответных письма Брежневу. Как это бывало в годы жёсткого политического контроля, удалось сфабриковать несколько читательских и писательских писем. В знаменитом «Письме одиннадцати литераторов», опубликованном в «Огоньке», в письме рабочего Захарова (газета «Социалистическая индустрия») и других подобных

откликах речь шла об антипатриотической позиции журнала, об отказе от идеалов партийности и народности. В феврале 1970 г. Твардовский был уволен с поста редактора, и вся его редакция тоже покинула журнал. Удар был такой силы, что через полтора года Твардовский скончался. Солженицын очень скорбно воспринял смерть Твардовского [см.: Солженицын 2000]. Однако некоторые даже годы спустя будут обвинять «Новый мир» в легальном экстремизме и во многих других грехах. В конце 60-х велась организованная травля Солженицына [см.: Кампания по разоблачению... 1993].

После публикации за границей в 1973 г. «Архипелага ГУЛАГа» она стала особенно резкой. Многие газеты пестрели заголовками: «Как А.Солженицын воспел предательство власовцев», «Отпор литературному власовцу», «Без царя в голове» и т. п. В период 1967 – 1974 гг. Солженицын направляет ряд писем «наверх», в том числе своё знаменитое «Письмо вождям Советского Союза» (1973; первая публикация – 1974). В феврале 1974 г. советские газеты сообщили о высылке Солженицына за границу. Спустя неделю после высылки писателя «Литературная газета» опубликовала подборку «Конец литературного власовца». В частности, в этой подборке были опубликованы нападки на Солженицына советских писателей, например П.Проскурина, М.Алексеева.

Шолохов направил в Секретариат СП письмо против Солженицына – правда, немного раньше: в 1967 г. Кроме того, Шолохов в 1968 г. направил 2 письма Брежневу, в 1962 г. – в Совет Министров РСФСР, председателю Совета Министров РСФСР в 1963 и в 1970 гг. В 1968 и в начале 1970-х гг. «наверх» обращается Высоцкий, творчество которого всячески преследовалось. В 1974 г. Войнович после исключения из СП направил ему письмо, а в 1981 г. – Брежневу, уже из эмиграции.

21 января 1972 г. после длительного перерыва критика вновь привлекла к себе внимание: вышло постановление «О литературно-художественной критике». Однако постановление это вполне соответствовало традиционному шаблонному тексту «о состоянии и задачах». Как обычно, речь шла о недостатках литературной критики, которая снисходительна «к идейному и художественному браку», отличается субъективностью и групповыми пристрастиями и, кроме того, недостаточно активна на пути утверждения идеалов гуманизма и противостояния буржуазной культуре. В качестве причин такого положения были названы недостатки кадров и отсутствие научных разработок в области истории и теории литературной критики. Текст не содержал никаких конкретных директив, никаких примеров и имён, а только общие слова о необходимости «улучшения», необходимости «направить внимание». Результатом постановления явилось издание критико-библиографического журнала «Литературное обозрение» (с 1973 г.), появление многочисленных сборников и целых журнальных номеров, посвящённых литературной критике.

Ко второй половине 60-х – 70-м гг. относится третья волна эмиграции. В конце 70-х – начале 80-х гг. формируется и достигает рассвета проза сорокалетних (Маканин, Ким, Курносиков, Курчаткин).

Такова в общих чертах социокультурная ситуация при Хрущёве и Брежневе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Некоторые исследователи считают, что «оттепельные» тенденции проявились несколько раньше. «Возвестила её (оттепели – Е.С.) наступление писательница Вера Панова. В коротком эссе “Тост”, опубликованном “Литературной газетой” 1 января 1952 г., она пожелала всем коллегам: “Чтоб не стало произведений тусклых, серых, вялых, похожих друг на друга”. И задала далеко не риторический вопрос: “Почему у нас нет, например, дискуссии по вопросам формы?”. Мало заметный призыв Пановой как бы поддержала газета “Правда”, уже 8 января опубликовав огромную, в три колонки теоретическую статью А.Вишнякова вроде на чисто философскую тему – “О борьбе между старым и новым”. Однако в статье среди

прочего содержалось и такое утверждение: “Борьба нового со старым проявляется во всех областях общественной жизни. Она идёт не только в области экономики, но и в идеологии, в науке, литературе и искусстве”» [Жуков 2005: 573-574].

2. Отметим, что повесть Эренбурга была настороженно воспринята не только властями. Так, Шолохов оценил её так: «Я считаю его (Эренбурга – Е.С.) “Оттепель” клеветнической, клеветой на русский народ» [Осипов 2005: 436]. А вот мнение Синявского: «Почитайте кумиров 50-х – 60-х скажем, “Оттепель” Эренбурга. Говорить о расцвете литературы на основании этой, да и других вещей, невозможно. Подъём был скорее политический, нежели творческий» [цит. по: Осипов 2005: 417].

ЛИТЕРАТУРА

- Адамович 1991 – *Адамович А.М.* Мы – шестидесятники. Статьи. М., 1991.
- Аксютин, Волобуев 1991 – *Аксютин Ю.В., Волобуев О.В.* XX съезд КПСС: Новации и догмы. М., 1991.
- Алексеева 1992 – *Алексеева Л.* История инакомыслия в СССР. М., 1992.
- Аппарат ЦК и культура 2001 – *Аппарат ЦК и культура. 1953 – 1957. Документы.* Сост. Е.С.Афанасьевой и др. (Серия «Культура и власть от Сталина до Горбачёва. Документы»). М., 2001.
- Бабиченко 1994 – *Бабиченко Д.Л.* Писатели и цензоры: Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК. М., 1994.
- Безбородов, Мейер, Пивовар 1994 – *Безбородов А.Б., Мейер М.М., Пивовар Е.И.* Материалы по истории диссидентского правозащитного движения в СССР 50 – 80-х годов. М., 1994.
- Бианки 1999 – *Бианки Н.П.* К.Симонов, А.Твардовский в «Новом мире»: Воспоминания. М., 1999.
- Биуль-Зедгинидзе 1996 – *Биуль-Зедгинидзе Н.* Литературная критика журнала «Новый мир» А.Т.Твардовского (1958 – 1970 гг.). М., 1996.
- Большакова 2000 – *Большакова А.Ю.* Нация и менталитет: Феномен деревенской прозы XX века. М., 2000.
- Большакова 2003 – *Большакова А.Ю.* Деревенская проза // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Гл. ред. и сост. А.Н.Николукин. М., 2003.
- Большая цензура 2005 – *Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917 – 1956.* Сост. Л.В.Максименков. М., 2005.
- Буртин 1987 – *Буртин Ю.* «Вам, из другого поколения ...» // Октябрь, 1987, № 8.
- Буртин 2003 – *Буртин Ю.* Исповедь шестидесятника. М., 2003.
- В тисках идеологии 1992 – *В тисках идеологии: Антология литературно-политических документов. 1917 – 1927.* Сост., вступ. ст. К.Аймермахер; Ред. Т.Громова. М., 1992.
- Вайль, Генис 1996 – *Вайль П., Генис А.* 60-е: Мир советского человека. М., 1996.
- Вильчек 1987 – *Вильчек Л.Ш.* «Деревенская проза» // Современная русская советская литература. Часть 2. М., 1987.
- Власть и художественная интеллигенция 2002 – *Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917 – 1953 гг.* Сост. А.Н.Артизов и О.В.Наумов. М., 2002.
- Голубков 1992 – *Голубков М.М.* Утраченные альтернативы. Формирование монистической концепции советской литературы. 20 – 30-е годы. М., 1992.
- Голубков 2001 – *Голубков М.М.* Русская литература XX века. После раскола. М., 2001.
- Гусев 1993 – *Гусев Ю.* Грани диссидентства // Вопросы литературы, 1993, вып. IV. XX съезд КПСС и его исторические реальности. М., 1991.

- Доклад Н.С.Хрущёва 2002 – Доклад Н.С.Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы. Ред. К.Аймермахер; Сост. В.Ю.Афиани (отв. сост.) и др. М., 2002.
- Жуков 2005 – Жуков Ю.Н. Сталин: Тайны власти. М., 2005.
- Зубкова 1991 – Зубкова Е.Ю. После войны: Маленков, Хрущёв и «оттепель» // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства. М., 1991.
- Зубкова 1996 – Зубкова Е.Ю. Оттепель (1953 – 1964) // История России. XX век. М., 1996.
- Идеологические комиссии ЦК КПСС 2000 – Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958 – 1964. Документы. Сост. Е.С.Афанасьевой и др. (Серия «Культура и власть от Сталина до Горбачёва. Документы»). М., 2000.
- История политической цензуры 1997 – История политической цензуры. Документы и комментарии. Отв. ред. и руководитель творческого коллектива Г.М.Горячева. М., 1997.
- История России 1995 – История России. Учебное пособие для вузов, а также колледжей, лицеев, гимназий и школ. Под ред. С.В.Леонова. В 2 томах. М., 1995.
- История русской литературы XX века – История русской литературы XX века. 20 – 50-е годы. Литературный процесс. Учебное пособие. М., 2006.
- Кампания по разоблачению... 1993 – Кампания по разоблачению «литературного власовца» А.И.Солженицына // Вопросы литературы, 1993, вып. 5.
- Конрад 1994 – Конрад Д. Самиздат. Оглядываясь на самиздат. Что-то закончилось // Вопросы литературы, 1994, № 4.
- Кречмар 1997 – Кречмар Д. Политика и культура при Брежневе, Андропове и Черненко. 1970 – 1985 гг. М., 1997.
- Кузнецов 1998 – Кузнецов Ф.Ф. На переломе: Из истории литературы 1960 – 70-х годов. М., 1998.
- Лакшин 1989 – Лакшин В.Я. Открытая дверь: Воспоминания, портреты. М., 1989.
- Литературное движение советской эпохи 1986 – Литературное движение советской эпохи: Материалы и документы. М., 1986.
- «Литературный фронт» 1994 – «Литературный фронт». История политической цензуры. 1932 – 1946 гг. Сборник документов. Сост. Д.Л.Бабиченко. М., 1994.
- Мандельштам 1999 – Мандельштам Н.Я. Воспоминания. М., 1999.
- Махлин 2003 – Махлин В.Л. Шестидесятники // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Гл. ред. и сост. А.Н.Николюкин. М., 2003.
- Николюкин 2003 – Николюкин А.Н. Самиздат // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Гл. ред. и сост. А.Н.Николюкин. М., 2003.
- Ничипоров 2006 – Ничипоров И.Б. Авторская песня в русской поэзии 1950 – 1970-х гг.: Творческие индивидуальности, жанрово-стилистические поиски, литературные связи. М., 2006.
- Новиков 1997 – Новиков Вл. Авторская песня как литературный факт // Авторская песня. М., 1997.
- О судьбе сборника. «Тарусские страницы» 1993 – О судьбе сборника. «Тарусские страницы» // Вопросы литературы, 1993, вып. 2.
- Одесский, Фельдман 2004 – Одесский М., Фельдман Д. Поэтика «оттепели». Материалы к изучению пропагандистской модели XX съезда КПСС. Идеологема «культ личности» // Вопросы литературы, 2004, № 5.
- Опенкин 1991 – Опенкин Л.А. Оттепель: как это было (1953 – 1955). М., 1991.
- Осипов 2005 – Осипов В.О. Шолохов. Серия «Жизнь замечательных людей». М., 2005.
- От оттепели до застоя 1990 – От оттепели до застоя. М., 1990.
- Оттепель 1989а – Оттепель: 1953 – 1956: Страницы русской советской литературы. М., 1989.

- Оттепель 1989б – Оттепель: 1957 – 1959: Страницы русской советской литературы. М., 1989.
- Оттепель 1990 – Оттепель: 1960 – 1962: Страницы русской советской литературы. М., 1990.
- По страницам самиздата – По страницам самиздата / Сост. К.Г.Мяло и др. Предисл. К.Г.Мяло. 1990.
- Реабилитация 1996 – Реабилитация: Политические процессы 30 – 50-х годов. М., 1996.
- Самиздат в Ленинграде 2003 – Самиздат в Ленинграде. Сб. материалов и документов. М., 2003.
- Самиздат века 1997 – Самиздат века. М., 1997.
- Соколов 1992 – *Соколов Б.В.* Первый самиздат // Московский наблюдатель, 1992, № 5-6.
- Солженицын 1996 – *Солженицын А.И.* Бодался телёнок с дубом. Очерки литературной жизни. М., 1996.
- Солженицын 2000 – *Солженицын А.И.* Богатырь (К 90-летию со дня рождения А.Т.Твардовского) // Новый мир, 2000, № 6.
- Сталин 2002 – Сталин в воспоминаниях современников и документах эпохи. М., 2002.
- Степанов 2004 – *Степанов Ю.* Диссиденты // Степанов Ю. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 2004.
- Судилище 1964 – Судилище. Б.м. и г. [1964].
- Суровцева 2008 – *Суровцева Е.В.* Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху. 1920-е – 1950-е гг. М., 2008.
- «Счастье литературы» 1997 – «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925 – 1938. Документы. Сост. Д.Л.Бабиченко. М., 1997.
- «Тамиздат» 1990 – «Тамиздат» от осуждения к диалогу. Саратов, 1990.
- Тамиздат Цадаса – Тамиздат Цадаса и современный литературный процесс в Дагестане. Махачкала, 1989.
- Третий съезд писателей СССР – Третий съезд писателей СССР. М., 1959.
- Хрущёв 1989 – *Хрущёв Н.С.* О культе личности и его последствиях. Доклад первого секретаря ЦК КПСС Н.С.Хрущёва XX съезду КПСС 25 февраля 1956 года // Известия ЦК КПСС, 1989, № 3.
- Цена метафоры 1989 – Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля. М., 1989.
- Эггерлинг – *Эггерлинг В.* Политика и партия при Хрущёве и Брежнев. 1953 – 1970 гг. М., 1999.
- Якимчук 1990 – *Якимчук Р.* Как судили поэта (Дело И.Бродского). Л., 1990.